

Особенно весомой является роль письменных памятников при изучении закономерностей исторического развития семантики лексических единиц высокого уровня абстракции. В значительной степени это обусловлено тем, что подобные единицы «обозначают сущности, сконструированные нашим сознанием и ориентированные не на объективный мир, а на познающего субъекта»¹⁰, который сводит ряд концептуальных признаков в одно понятие и закрепляет за ними имя. Причем сам выбор этих признаков, как можно предположить, во многом определяется потребностями и характером той дискурсивно-культурной сферы, в которой протекает данный процесс.

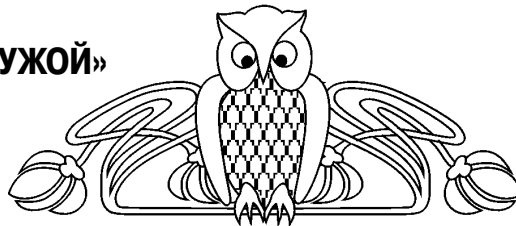
Примечания

- ¹ Мещерский Н.А. Критические заметки по русской исторической лексикологии // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977. Вып. 2. С. 50.
- ² См.: Плузьян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 14.

- ³ См.: Молдован А.М. Национальный корпус русского языка // Вестн. РАН. 2007. Т. 77, № 6. С. 501.
- ⁴ См.: См.:Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований: на материале лексики французского языка. Л., 1979. С. 49.
- ⁵ См.: Галуцких И.А. Закономерности эволюции ядра лексической системы английского языка // Вестн. Новгородского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, вып. 1. С. 80.
- ⁶ Там же. С. 85.
- ⁷ См.: Kossmann B. From Evil Riches to Common Fertilizer: Mucking in with Semantic Change // Selected Proceedings of the 2005 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX) / Ed. R.W. McConchie et al. Somerville, 2006. P. 83–94.
- ⁸ Бабаева Е.Э. Кто живет в вертепе, или Опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 95.
- ⁹ См.: Romaine S. The reconstruction of language in its special context: methodology for a socio-historical theory // Current issues in linguistic theory. Amsterdam, 1982. Vol. 21. P. 293.
- ¹⁰ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976. С. 243.

УДК: 811.161.1'282

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области)

О.Ю. Крючкова

Саратовский государственный университет
E-mail: vpks@rambler.ru

В статье рассматривается специфика репрезентации оппозиции «свой – чужой» в конфессионально неоднородном традиционном сообществе.

Ключевые слова: диалект, коммуникация, традиционная народная культура.

The Representation of the Opposition «One's – Other's» in Dialect Communication (on the Materials of the Dialect of the Village Belogornoje, Volskij District of the Saratov Region)

О. Yu. Kryuchkova

The article deals with specific features of the speech representation of the opposition «one's – other's» in religiously heterogeneous traditional community.

Key words: dialect, communication, traditional folk culture.

Противопоставленность своего и чужого является наиболее общей и ведущей для традиционного народного сознания лингвокультурной оппозицией. Поляризация явлений окружающего

мира по шкале «свой – чужой» выступает в виде многообразных конкретных противопоставлений: «близкий – далекий», «родной – неродной», «внутренний – внешний», «друг – враг», «день – ночь», «утро – вечер» и др. – и овнешняется посредством целого ряда знаковых систем, таких как устное народное творчество, системы обрядов и ритуалов, мифология, диалектная речь¹. При этом непосредственно отмечаемые носителями народной культурной традиции оппозитивные признаки и их связи относятся к числу живых, четко осознаваемых, тогда как воспроизводимые в фольклорных текстах и ритуальных действиях признаки и их связи могут и не осознаваться носителями традиции или осознаваться слабо². Диалектная речь (рассказы диалектоносителей, обиходно-бытовое общение на диалекте, диалоги сельских жителей с представителями иной социокультурной среды) транслирует актуальную для носителей традиционной народной культуры картину мира, которая включает в том числе и актуальные (хорошо осознаваемые и легко воспроизводимые) элементы этнокультурной информации, воплощенной в других семиотических системах (фольклоре, мифологии, обрядово-ритуальной коммуникации) в символически обобщенном и эстетически обработанном виде.

Наша статья посвящена рассмотрению актуальных репрезентаций гипероппозиции «свой – чужой», объективированных в непосредственном общении на диалекте. Исследование выполнено на материале создаваемого в Центре народной речевой культуры Института филологии и журналистики СГУ диалектного текстового корпуса говора села Белогорное Вольского района Саратовской области (записи диалектной речи сделаны в 1990–2000-х гг.).

Духовная и речевая культура с. Белогорное (бывш. Самодуровка) Вольского района Саратовской области представляет значительный лингвокультурологический интерес. Языковая и культурная специфика говора с. Белогорное связана с историей села, обусловлена исторически сложившейся в нем лингвокультурной ситуацией. Население с. Белогорное формировалось начиная с середины XVII в. из староверов, скрывшихся там от преследований приверженцев никонианской реформы (считают, что Самодуровка стала ядром поморства в Хвалынском уезде), и из другого беглого люда, по разным причинам прибывавшего в Поволжье в поисках лучшей доли³. В результате жителями Самодуровки стали люди, придерживающиеся различных толков православия – старообрядцы и последователи официальной церкви («церковные»). Эти религиозные общины до сих пор существуют в с. Белогорное.

Специфика сложившейся в селе социокультурной ситуации обусловила особую актуальность религиозной тематики в культурной и речевой традиции данного социума, активное обсуждение и оценку межконфессиональных различий. Важнейшая для традиционного народного сознания противопоставленность своего и чужого получает в с. Белогорное ярко выраженное религиозное содержание. Иноверие и носители другой религиозной традиции оцениваются, как правило, в рамках категории чуждости, в качестве явления аномального, выходящего за границы нормы. Своя вера и единоверцы получают положительную оценку. Религиозные представления, соответствующие категории «свой», рассматриваются как проявления нормы.

Дифференциация жителей с. Белогорное по конфессиональному признаку выражается в использовании представителями обеих религиозных общин специальных номинаций для иноверцев. Приверженцы официального («церковного») православия, именующие себя «мирскими», старообрядцев называют «кулугурами», вкладывая в это наименование отрицательную коннотацию. Члены старообрядческой общины используют в отношении представителей официального православия также негативно окрашенные номинации «церковные», «церковники», «еретики», образующие в речи староверов синонимический ряд.

Каждой из конфессиональных групп иноверцы характеризуются обычно как люди непра-

ведные, неразумные, греховные, недостойного поведения, не постигшие истинной веры и потому нарушающие божественные заповеди. Своя вера признается единственно верной, и переход в другую конфессию расценивается как грех, за который придется отвечать перед богом. Ср. высказывания старообрядцев о «церковных» (а) и высказывания «церковных» о старообрядцах (б):

(а) *церковна вера это не вера; у них* [у «церковных»] *крещение какое? еретическо// а у нас христианско <...> а он?* [поп в церкви] *миропомазание.../ то брызжет/ то ложки каке-то суёт// разве это закон? разве это божье писание? там этого совсем и нет// <...> если только вы приняли крещение/ святое/ оно святое называется/ то вы после этого крещения называется христиане/ а оне после своо этого причастия/ <...> называются еретиками// а с еретиком/ <...> не пить/ и не есть/ и не вкупе богу молиться/ <...> и ласково слово глаголить нельзя; [попы в церкви] *Евангелие с пятое на десятое читают/ семнадцать акафистов то же самое/ кто стих/ споёт/ кто и нет/ и отпевает один/ или двое/ трое/ и всё// а у нас как положено; [об односельчанке, перешедшей в «церковную» веру] *бог с ней/ она во грехе/ она и в ответе.***

(б) *монашки?* [старообрядцы, считающие брак грехом] *оне.../ к нам никуда не принадлежат/ у них другой язык// они по-русски не разговаривают// <...> они ходят кресты не носят/ они не понимают/ <...> что за бог; они [монашки] вообще/ биссурмане/ ну/ биссурманы/ ну// это самое последнее/ монашки/ <...> их/ вон оне умрут/ их на меже хоронят/ как татар вон// <...> они вот не понимают/ что праздники/ что/ ага/ <...> первый Спас/ второй Спас/ вот двадцать восьмого Успенье <...> они вообще не понимают/ что Троица придёт/ что Рождество придёт/ им власть безвластна; вот мы православные/ мы всё дозволяем// мы дадим и пить/ и покормим/ и чего кто попросит всё даем// а у кулугур/ у них Z^A особо/ чаишку они воды не дадут Z ; вот/ мы/ молимся/ слава тебе господи/ тебе/ а у них тэбэ// тэ-бэ// <...> у нас/ эти вот читать по-божественному/ у нас по-русски есть// всё там по-русски эти книжки// а у них/ там как немецкие/ эти/ буквы/ в книжке/ в книжках// <...> у нас у мирских вот/ вот как/ складно/ а у них <...> ...аж стук этот/ по мослам; они колозуры/ они-то не идут в церковь// они вообще пренебрегают// <...> господь не воскресит их/ кто тела Христова не принимает/ вот когда причащаетесь <...> а у них этого нету// у них... начало они кладут// да ну/ бог над ними.*

Как видно из приведенных примеров, в высказываниях об иноверцах обычны отрицательные и сопоставительные конструкции с лексическим противопоставлением «у них» – «у нас», «мы» – «они», риторические вопросы, эмоционально выражающие отрицание. «Свое» описывается такими положительно окрашенными лексическими единицами, как *христианский, христиане, право-*

славные, святой, как положено, складно; «чужое» характеризуется посредством лексики с явно выраженной отрицательной оценочностью (*еретический, еретики, во грехе, биссурмане, аж стук по мослам*), вплоть до использования бранных слов.

Оценивая иноверцев с использованием средств категории чуждости, сельские жители (и «церковные», и старообрядцы) отмечают вместе с тем сглаживание остроты конфессиональных различий, имевших большее значение в прошлом:

– [вопрос диалектолога представительнице «церковных»] *Они же [старообрядцы], говорят, более замкнуто живут? – Это раньше было// вот я вышла [замуж] вот сюда/ это 50 лет назад// здесь вот дом рядом стоял/ соседи хорошие были/ муж с женой/ сын/ дочь у них// приучали их// вот я придю/ я православная/ тетя Полина/ я испить хочу/ коли не хочу/ а все спрощу// гляжу/ берет ковшик/ наливает в кружку в другую и дает мне пить// – Свою посуду не давали? – Нет// а сейчас все смешались/ господи// самые-то/ самые вымирают// а потом которые.../ вот одна жила девяносто лет <...> прошлый год умерла вот только// <...> и пили у ней/ что она пьет.../ а главная молевица была// не то что вот нальет в другу посуду// раньше это больно было/ да// я захватила еще это// да;*

[активный приверженец старообрядчества] *раньше... при старом времени как/ суды-то началось Самодуровка/ она ведь четыреста лет существует/ как эти/ климовцы прибежали сюда/ с этой верой-то/ и у нас тут <...> таким церковникам оне/ и проходим/ не давали [воды напиться]/ только уж/ если отдельно держали посуду/ вот как строго вели/ ну оно и по писанию так должно быть/ а сейчас/ <...> смешавшись языци/ и навлекоша все дела дьявольские.*

Несмотря на резко отрицательную оценку иноверия и иноверцев, ситуации, в которых конфессиональные различия оказывают влияние на взаимоотношения людей, оцениваются чаще как ненормальные, неестественные: *раньше вот я/ например/ росла в девочках/ дружила с кулугуром// мать его распинала// нас две сестры двоюродных там на нашей улице/ и она с кулугурином// а были святки/ ходили за пирогами к женихам-то/ к уха-жерам// для нас уже не только что пирогов их матери/ рядом-то чтобы были/ большие не велели-то ходить-то// да не дай бог женятся/ уж о-о-о! Батюшки! Ну и вот так// в армяно проводили/ так и растались насовсем/ вот/ да// из-за веры/ вот/ из-за веры/ не надо вот православных.*

Ср. также рассказ о том, как старообрядцы не разрешили женихине церковной веры попроситься с умершей соседкой-старообрядкой, с которой они долгие годы жили в мире, помогая друг другу: *и вот её не прощала/ не целовала ни в лоб/ никуда/ нельзя// да дайте я хоть что-ль чай в последний путь её/ ну я всю жизнь рядом с ней жила/ а она меня выручала/ я её и кормила и ухаживала за ней всё/ ни в какую не дали/ ни в какую/ нельзя и всё не положено// вот какие люди.* Отметим,

что этот эпизод рассказан информантом, дающим категорически отрицательную оценку иноверцам, вплоть до использования нецензурной лексики (примеры см. выше).

Противоречивая оценка взаимоотношений между людьми различной конфессиональной принадлежности в рассказах самих представителей этих религиозных общин склоняет к предположению, что роль религиозных различий находится в значительной степени в области декларативного (выученного) знания («как должно быть»-знания), в практическом же (прагматическом) сознании (в осознании того, что есть в реальной жизни и пригодно для повседневности) преобладает представление о кооперации, единстве социума. Показательно, что в селе нередки браки между представителями различных религиозных групп (*а кологурь/ они/ ну/ много их с такеми/ с церковными сошлись*) при высказываемых на эту тему запретах и предостережениях.

Дифференциация «своего» и «чужого» по линии религиозных различий эмоционально репрезентирована в речи носителей сельской традиционной культуры, но значительно слабее реализуется в их поведении и межличностном общении, что позволяет сделать вывод об относительной самостоятельности культурно-религиозной традиции и бытовой повседневности.

Гипероппозиция «свой – чужой» в говоре с. Белогорное получает также свое выражение в противопоставлениях «святые – грешники», «ангелы – бесы/ сатана/ нечистый дух/ дьявол».

Святые, среди которых особое место занимают Богородица и Николай Чудотворец (в народном варианте – Микола), осознаются представителями обеих конфессиональных групп не только как небожители, наделенные величайшей божественной чудотворной силой, но и как близкие, свои, те, кто постоянно незримо участвует в каждодневной жизни человека (*господи/ все святые/ они всё/ всё слышат/ чё о них говорят// они вот просто вот в воздухе/ но нам не дано видеть это// нам это не дано видеть// вот*), приходит на помощь (см. ниже легенды о Николае Чудотворце – 1, 2), кто так же, как и человек, может страдать и вызывать глубокое сострадание (см. рассказ о страданиях Богородицы – 3):

1) *Вот как Николай Чудотворец// один мужчина-то его как почитал// он последний ковер взял/ мужик-то/ понес продавать/ чтобы это/ Николая Чудотворца почитать/ обедик маленький и это/ помолиться ему <...> не на чего// а Николай Чудотворец этот ковер у него взял/ у мужика-то/ дал ему три золотых и принес жене его/ мужика-то/ Николай Чудотворец/ назад-то ковер// <...> назад приходит мужик-то и говорит/ ковер-то/ вроде/ наш// <...> и заплакал/ говорит// а вот Николай Чудотворец// <...> и он/ говорит/ мне три золотых дал/ и ковер назад принес.*

2) *Старец <...> в гости куда-то поехал// а у него ничего не было/ одни иконы// говорит/ Нико-*

лай Чудотворец/ оставляю я тебя охранять дом/
иконы мои// <...> приезжает/ икон нет// ну/ он
помолился там/ что осталось и говорит/ так мо-
жет господь повелевает// украли иконы-те// <...>
а кто украл/ Николай Чудотворец к нему каждую
ночь/ неси иконы! он меня оставляя охранять//
неси иконы!// и он принес/ сосед// вот так вот.

3) ...богородица-то// уснула под деревом/ и
снится/ сыночка ведут/ на распятье/ а на голове-
ти терновый венок/ а она пла-ачет// она мать/
ей жалко/ а когда вели Иисуса Христа-то/ а у
него белье как/ везде кровь// живого места ни-
где не было// вся шкура полопалась// и вот где
встанет/ след-то/ а богородицу тащат под руки/
ноги-те по земле волочатся// она каждый здесь
след Иисуса Христа/ и каждый следочек оплакала/
целовала-то мать// то-то матери жалко.

Являясь главными народными заступниками,
и Николай Чудотворец, и Богородица отворачива-
ются, однако, от неверующих и грешных. Ср.: [из
рассказа от лица грешной женщине, представшей
пред судом божьим] ...а она говорит/ а в стороне/
говорит/ стоит Миколай Чудотворец/ угодник
божий/ а я/ говорит/ на лестнице сороковой
стою/ стою и прошу/ Миколай Чудотворец/ по-
дай мне руку помощи!// а он/ говорит/ и не глядит
на меня// потому что не молилась/ ничего// <...>
а Богородица-то идет по бережку/ а мы в аду/
оттудова/ матушка/ владычица/ чай помочи-то
перста нам!// пить хотят все// а от неё-то сия-
ет... богородица-то/ она и говорит/ на земле-те/
говорит/ жили/ меня не вспоминали!// теперь про-
сите родственников/ чтоб они об вас помолились.

Актуальной для пожилых жителей с. Бело-
горное является также оппозиция «ангелы – бесы/
сатана/ нечистый дух/ дьявол». Считается, что
ангелы играют в жизни человека очень большую
роль, поскольку к каждому человеку от рож-
дения Бог приставляет особого, своего ангела-
хранителя: ангел все время у нас на плече; ангел
приставлен от рождения и сдаст/ как умрём/
Богу. Носители народной традиции считают, что
не только человек, но и каждый элемент природы
имеет своего ангела: они слуги Иисус Христу,
ангелы-то// вот// ангел света/ ангел воды/ ангел
ветра/ у каждого... у каждого растения свой
ангел/ у каждого дерева/ у каждого человека//
всё/ у всех приставлены ангелы. Бесы – чуждые
человеку существа – тоже невидимо присутствуют
вокруг (бесы знаете где водятся?// в цветках/
в середке// у вас цветы дома есть?// вот туды
чертополох маленький// вот они где спасаются;
посуду оставлять тоже нельзя открытую/ бесы
везде лазают), пугают людей, стараются причи-
нить им вред, схватить души умерших. Основной
защитой от бесов служат крестное знамение (бесы
падают от креста) и молитва (одна-то молилась
женщина Василию Блаженному// а когда умерла
бесы хватают душу// вот ступеньки-те/ мы-
тарства проходят// и она/ на одной ступеньке/
её задержано/ бесы душу хватают// а Василий

Блаженный подошёл и говорит/ вот мешочек//
её здесь слезы/ её молитвы// и сатана-то ушёл/
а она пошла выше).

В статье были рассмотрены имеющие рели-
гиозную окрашенность репрезентанты оппозиции
«свой – чужой» в говоре с. Белогорное Вольско-
го района Саратовской области. Религиозное
наполнение названной оппозиции составляет
специфику говора и обусловлено, как уже было
отмечено, социокультурными факторами. Однако
актуальное содержание гипероппозиции «свой –
чужой» не исчерпывается проанализированными
здесь оппозитивными признаками. Например,
заметную роль в ее содержательной структуре
играет противопоставление «деревня – город»,
которое активно выражается в речи диалектоно-
сителей разных территорий и является общей для
носителей традиционной культуры реализацией
гипероппозиции «свой – чужой»⁵.

Анализ некоторых актуальных репрезентаций
оппозиции «свой – чужой» в одном говоре под-
тверждает значимость выявленного в исследова-
ниях традиционных народных культур принципа
оппозитивности в организации сознания носи-
телей традиционной культуры (работы Вяч. Вс.
Иванова, В.Н. Топорова, Н.И. Толстого, Т.В. Ци-
вьян и др.), а также свидетельствует о возможной
вариативности двоичных признаков, выделенных
в качестве универсальных для традиционных
культур, в частности, о вариантно-м содержании
оппозиции «свой – чужой» в конкретных говорах.

Примечания

- 1 См., напр.: Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские моделирующие семиотические системы. М., 1965; Они же. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Топоров В.Н. Модель мира: В 2 т. М., 1982; Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990; Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995; Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Язык фольклора: Учеб.-метод. пособие. Томск, 2005.
- 2 См.: Толстой Н.И. Указ. соч. С. 152. О различных картинах мира, «версиях» этнокультурной информации, запечатленных в разных семиотических системах, см. также: Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 9.
- 3 См.: Быстров С.И. Поморское согласие в Саратовском крае. Саратов, 1923; История с. Самодуровки по воспоминаниям Е.И. Круглова. Дооктябрьский период (апрель 1963 г.). Материал из фонда Вольского краеведческого музея. Ф. 4, Д. 233; Бибикина М.Ю. Старообрядчество г. Вольска и Вольского уезда XVII – XIX веков // Саратовское Поволжье в панораме веков. Саратов, 2000.
- 4 Знаком Z обозначены нецензурные слова.
- 5 См.: Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Оппозиция «город – деревня» в сознании носителей традиционной сельской культуры // У чистого источника родного языка. Волгоград, 2008.